Языкознание

УДК 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313- 2016-31-4-43-49

К.З. Зулпукаров¹, С.М. Амиралиев¹, А.К. Зулпукарова²

Личные местоимения дагестанских языков в сравнении с ностратическими

¹ Ошский государственный университет; Кыргызстан, 723500, г. Ош, ул. Ленина, 331; zulpukarov48@mail.ru, sem.87.90@mail.ru

² Баткенский государственный университет; Кыргызстан, 715100, г. Баткен, ул. Жусупова 21.

Цель статьи – прокомментировать некоторые явления в развитии семантики ностратических личных местоимений, не укладывающиеся в традиционные представления об исторических изменениях в сфере значений слова.

Ностратика – новая область сравнительного языкознания, оформившаяся как отрасль науки о языке в 60-е годы XX века и постулирующая отдаленное генетическое родство целого ряда языковых семей Евразии. В ее становлении большую роль сыграли труды Х. Педерсена, А.Б. Долгопольского, В.М. Иллича-Свитыча и других компаративистов. Эти ученые на большом фактическом материале доказали наличие многочисленных общих корневых и аффиксальных морфем в индоевропейских, уральских, алтайских, дравидийских, картвельских и семитохамитских языках. Мы представляем состав ностратических языков значительно шире, включая в него нахско-дагестанские, эскимосо-алеутские, чукотско-камчатские, сино-тибетские и другие языки. Однако не было понятно, почему противопоставляются друг другу по происхождению картвельские и нахско-дагестанские языки, совершенно близкие по ареалу распространения. Это объяснялось отсутствием общих корней в личных местоимениях данных языков. Если в ностратических языках корневая морфема *mi-* указывает на говорящее лицо, морфемы *ti-*, *si-*, *ki-* и другие – на второе лицо, то в дагестанских, наоборот, корень *mi-* указывает на собеседника, а корни *ti-*, *si-*, *ki-* – на говорящего. Данное противоречие послужило основанием для поиска путей его разрешения, для нахождения аналогичных фактов в других языках и соответствующего сравнительного анализа.

Введенное нами понятие «семантическое перекрещивание языковых единиц» позволило убедительно истолковать и разрешить вышеназванную лингвистическую задачу.

Ключевые слова: *ностратические языки, эгоцентризм, личные местоимения дагестанских языков, семантическое перекрещивание языковых единиц, эргативные конструкции.*

Личные прономинативы являются универсальными ключевыми единицами указательного поля в языке, организующими прием и передачу речевых сообщений. Они свойственны всем языкам мира. Поэтому в компаративистике сравнение лексических единиц родственных языков начинается с анализа личных прономинативов, их происхождения и развития.

В исследованиях по ностратике особое внимание уделяется личным прономинативам, имеющим компактный состав и удивительно сходные корни. В трудах сторонников ностратики на большом фактическом материале показано, что во всех языковых семьях Евразии и Северной Африки на первое лицо указывают личные прономинативы, восходящие к пракорню **me/mi*, на второе лицо – личные прономинативы, возводимые к пракорням **te/ti*, **se/si*, **ke/ki* и т. д. (Х. Педерсен, Б. Коллиндер, К. Менгес, А.Б. Долгопольский, В.М. Иллич-Свитыч, А.В. Дыбо, Н.А. Сыромятников и др.) [1, с. 72–78; 2, с. 3–67; 3, с. 18–19, 71–76; 4, с. 62–79; 5, с. 246–251; 6, с. 16–25; 7, с. 9–16; 8, с. 11–14, 92–93]. Материально-смысловая общность личных прономинативов, наряду с другими

многочисленными общими корнями, послужила основанием для доказательства отдаленного генетического родства целого ряда языковых семей – алтайских, дравидийских, индоевропейских, картвельских, семито-хамитских и уральских. В перечне ностратических языков мы не находим восточно-кавказские (дагестанские), чечено-ингушские, абхазо-адыгские языки, обычно включаемые в состав кавказских языков в ареальных классификациях, а также сино-тибетские, эскимосо-алеутские, чукотско-камчатские языки, материалы которых стали привлекаться и анализироваться в ностратике последних лет [9, с. 573–580].

В настоящей статье сравниваются только личные местоимения дагестанских языков с соответствующими словами других ностратических языков. Именно факты языков Дагестана заставляли ученых-компаративистов отказаться от сравнения с личными прономинативами картвельских, тюркских, финно-угорских и прочих языков: в дагестанских языках, в отличие от других ностратических языков, значение «я» передают корневые морфемы на **te/ti*, **se/si*, **ke/ki*, значение «ты» – корневые морфемы на **me/mi*. Такую же контрастность представляют личные прономинативы со значениями «мы» и «вы». Стремление к объяснению данного противоречия привело нас к поиску и нахождению аналогичных фактов в языке и его семантической системе, к наличию явления переименования семантики слов с близкими значениями.

Как известно, семантика корневых морфем в своем диахроническом развитии претерпевает различные изменения, которые приводят к сужению или расширению первоначального значения, к его расщеплению или слиянию, к потере первичного и приобретению нового смысла и т. д. Эти явления хорошо изучены в исторической лингвистике. Менее известно явление переименования значений двух близких по смыслу или сфере употребления лексических и грамматических единиц языка; его наличие давно отмечается компаративистами, но не было предметом специального изучения. Сначала приведем отдельные примеры, демонстрирующие отмеченное явление в отдельных семьях или подсемьях ностратических языков.

Известно, что индийские и иранские народы имеют общие корни. Их предки, вероятно, говорили на одном диалекте индоевропейского праязыка и имели общие территорию расселения, культуру, мировоззрение, психологию и т. д. У них была общая предфилософия, основанная на мифах. Мифология персов была очень сходна с мифологией ранних ариев в Древней Индии. В определенный период развития этих этносов в их сознании происходит семантическое переименование наименований демонов и богов. Если у ариев слово *асур* имеет значение «демон», слово *дев* – «Бог», то у персов, наоборот, слово *асур* выражает значение «Бог», слово *дев* – «демон» [10, с. 103].

Аналогичные факты встречаются и в других языках и языковых семьях. По предположению Е.Д. Поливанова, общеалтайское слово со значением «зима» в корейском получило значение «осень», а слово со значением «осень» – значение «зима» [11, с. 162–163]. Согласно В. Краузе, в тохарских языках «на 3 лицо было перенесено индоевропейское окончание 2 ед. **-si*, на место которого в свою очередь встало окончание 2 ед. перфекта **-tha*» [12, с. 72]. Перекрестное развитие семантики лично-предикативных флексий мы обнаруживаем в рамках различных этапов развития одного и того же языка.

Эти и подобные примеры наглядно демонстрируют наличие в языке структурно переименовывающихся знаков с идентичным смыслом.

Санскрит – древнеиндийский литературный язык. Из пракритов, разговорных вариантов древнеиндийского, образовались многие современные литературные языки: хин-

ди, бенгали, ория, урду, синдхи, цыганский и др. [13, с. 13]. Сравнение лично-предикативных форм ряда современных индийских языков с санскритом показывает наличие перекрестного (а) и параллельного (б) развития их семантики:

а) санскр. <i>-mī</i> «я» <i>-si</i> «ты»	б) санскр. <i>-mī</i> «я» <i>-si</i> «ты»

синдхи <i>-sē</i> «ты» <i>-m</i> «я»	цыган. <i>-m</i> «я» <i>-s</i> «ты».

Как видно, цыганские флексии сохранили древнеиндийские значения, а лично-сказуемость флексии синдхи демонстрируют возможность перекрестного развития семантики.

Незнание этого явления привело некоторых лингвистов к опровержению ностратической гипотезы на материале личных местоимений (Л.Г. Герценберг, А.Н. Савченко, К.Е. Майтинская и др.), поскольку корневые морфемы дагестанских языков представляют полный контраст соответствующим единицам прочих ностратических языков [9, с. 575].

В свете положения о семантическом перекрещивании языковых единиц данный факт может только дополнительно обосновать ностратическую гипотезу и расширить географию родственных языков Евразии. Мы относим к ностратическим языкам и дагестанские языки с учетом наличия примеров перекрестного (а, в) и параллельного (б, г) развития семантики личных прономинативов:

- а) ностр. **mī* «я» даг.: анд. *din/den*, багв. *de/den*, авар. *ton* «я»;
**tī* «ты» даг.: анд. *min/men*, багв. *me/men*, авар. *mun* «ты»;
 б) ностр. **mī* «я» – тадж. *man*, удм. *ton*, мар. *min*, юкагир. *me-* «я»;
**tī* «ты» – тадж. *tu*, удм. *ton*, мар. *tin*, юкагир. *te-* «ты»;

- в) ностр. **mī/vī* «я» даг.: цахур. *zu*, лезг. *zun*, будух. *zen* «я»;
**sī/zī* «ты» даг.: цахур. *vu*, лезг. *vun*, будух. *ven* «ты»;

г) ностр. **mī/bī* «я» – сван. *mī*, эвенк. *vī*, *mīn-*, эст. *minä*, тур. *ben*, кит. *wǒ* «я» (общенародное);

**sī/zī* «ты» – сван. *sī*, эвенк. *sī*, *sin-*, эст. *sinä*, тур. *sen*, кит. *qīng* «ты» (по отношению к нижестоящему).

Наш вывод дополнительно подтверждается идентичностью происхождения *-n* в этих местоимениях, а также контрастностью значений признаков 1 и 2 л. мн. ч. при близости или тождественности звукового облика:

1. Маньч. *musa*, узб. *-miz*, алеут. *-mas*, ительм. *muza*, греч. (дор.) *-mes*, лат. *-mus*, др.-прус. *mes*, литов. *mes* «мы» – дагест.: цез. *mezi*, хварш. *mizo*, гинух. *mezi*, бежит. *mize* (в род. п. *mizol*), гунзиб. *mize* «вы».

2. Лат. *nos*, гот. *uns*, *unsis*, хетт. *anzaš*, ст.-сл. *nas* «мы, нас» – дагест.: авар. *nuž* «вы».

3. Санскр. *-vas* (дв. ч.), тохар. *vas/ves*, хетт. *ves*, гот. *veis*, хуррит. *-iwwaz*, тюрк. *biz*, *bis*, *pis* «мы» – дагест.: тинд. *vissa*, анд. *bissil*, ботл. *bišti*, каратин. *bišdi* «вы».

4. Монгольск. *bida*, бурят. *bide*, дагур. *bed*, др.-анг. *vit* (дв. ч.), литов. *vedu* (дв. ч.) «мы» – дагест.: чамал. *biti*, годобер. *bitte* «вы».

5. Др.-егип. *-vin*, хетт. *-veni*, эвенк. *-vun* «мы» – дагест.: крыз. и будух. *bin*, удин. *vaIn/efaIn* «вы».

6. Общеиндоевроп. **sūes*, вост.-ител. *suze*, тюрк. *siz*, *sis* «вы» – дагест.: чамал. *issi*, ахвах. *issi* (в род. п. *essebi*) «мы».

7. Нивх. *čín*, тунгус. *syn-*, *-sun* «вы» – дагест.: лезгин. *čín*, агульск. *sin*, крыз., будух. *žín* «мы» (эскл.).

8. Селькуп. *-li*, *-lui*, камас. *-lui* «вы» (дв. ч.) – дагест.: ботлих. *illi*, годобер. *ille*.

9. Аккад. *-kuni* (муж.), *-kina* (жен.), кет. *ъkn*, *ъkna-* «вы» – дагест.: агульск. *klin*, хиналуг. *klin* «мы» (инкл.).

В приведенных выше примерах знак [I] является эквивалентом соответствующего знака в алфавитах дагестанских языков.

Данные сближения самодостаточны для выдвижения гипотезы о перекрещивании значений местоименных корневых морфем в сравниваемых языках и дополнительно могут быть обоснованы с точки зрения единства происхождения личных и указательных местоимений.

Генетическая связь личных и указательных местоимений давно установлена. Следующие примеры убедительно доказывают обоснованность предположения о единстве их происхождения:

Орошор. (иран.) язык		Казах. (тюрк.) язык	
Указат. (косв. п.)	Личн. (косв. п.)	Указат. (им. п.)	Личн. (им. п.)
<i>mi</i> “этот” <i>tam</i> “эта”	<i>ti</i> “я”	<i>tynau</i> “вот это”	<i>men</i> “я”
<i>di</i> “тот” <i>dam</i> “та”	<i>tā</i> “ты”	<i>sonau</i> “вон то”	<i>sen</i> “ты”
<i>wi</i> “он” <i>wam</i> “она”		<i>ol</i> “тот, та, то; он, она, оно”	

Теперь сравним указательные местоименные основы дагестанских языков с ностратическими.

Цахур.	Грузин.	Фин.	Кирг.	
			Указ.	Личн.
<i>tana</i> “это”	<i>te</i> “я”	<i>minä</i> “я”	<i>tuŋu</i> (в. п.) “это”	<i>men</i> “я”
<i>šen</i> “то”	<i>šen</i> “ты”	<i>sinä</i> “ты”	<i>uŋu</i> (в. п.) <i>šun</i> “вон то” (в говорах)	<i>sen</i> “ты”

См. также таблицу, где сравниваются удинские указательные местоимения с личными суффиксами других языковых семей:

Удин. (даг.)	Хауса (сем.-хам.)		Кирг. (тюрк.)
<i>te/meno</i> “это”	<i>-na</i> , <i>-wa</i> “я”	<i>-tu</i> “мы”	<i>-m/-min/-mün</i> , <i>-tyn/-tun</i> “я”
<i>ka/kano</i> “то”	<i>-ka</i> (муж.) <i>-ki</i> (жен.) “ты”	<i>-ku</i> “вы”	<i>-gyn</i> , <i>-gin</i> , <i>-gün</i> , <i>-gun</i> (повел.) “ты”

Указательные местоимения агульского языка в звуковом отношении и семантически соотносительны с личными местоимениями индоевропейских (санскрит) и уральских (коми) языков:

Агульский язык	Коми	Санскрит
<i>me</i> “это” <i>te</i> “то”	<i>me</i> “я” <i>te</i> “ты”	<i>me</i> “мне” (энкл.) <i>te</i> “тебе” (энкл.)

Как видно, основы указательных местоимений дагестанских языков сходны с основами личных местоимений иных языковых семей. Весьма вероятно, что дагестанские языки в древности имели такие же основы личных местоимений, какие имеют картвельские языки, например грузинский.

В чем состоит причина переkreщивания значений личных местоимений первых двух лиц в сравниваемых языках?

Для нас представляются ценными данные памятников письменности Урарту. В урартских памятниках не встречаются самостоятельные личные местоимения. Лично-местоименные энклитики превратились в чисто глагольные субъектно-объектные форманты. Ср., например, урартские:

Хуррито-урартские языки		Ностратические языки	
Хуррит.	Урарт.	Хетт. (и.-е.)	Кирг. (тюрк.)
-iww “мой”	- <i>me</i> “мне”	* <i>em</i> - “мне”	- <i>m/min/- mup...</i> “я”, “мой”
-iwwaž “наш”	-všə “мы”	<i>weš</i> “мы”	- <i>biz/byz...</i> “мы”, “наш”

Но, как отмечает И.И. Мещанинов, в урартском языке «суффикс *-bi* передает в переходном предложении действие 3 лица: *ušta-bi* «выступил он». Тот же суффикс *-bi* получает в переходных предложениях субъектно-объектное значение, выражая действие 1 лица, направленное на 3 лицо: *karu-bi* «победил я его» [14, с. 183]. Этот факт позволяет нам связать семантические изменения в системе лично-местоименных корней с периодом дифференциации и противопоставления субъектных и объектных значений в составе предложения.

Есть основания предположить, что ностратические основы личных местоимений употреблялись в общедагестанском в первоначальном значении до обособления переходных глаголов и, следовательно, до возникновения эргативного строя предложения, чем и резко отличаются дагестанские и урартский языки от индоевропейских, уральских и других языков.

Данное предположение подтверждается и еще двумя фактами.

Во-первых, картвельским языкам (грузинскому, сванскому и др.) тоже свойствен эргативный строй. Однако лично-местоименные основы в них очень сходны с соответствующими основами других ностратических языков. В чем же тут дело? Оказывается, личные местоимения картвельских языков, так сходные с общеностратическими, в отличие от других склоняемых слов, не имели и не имеют специальных форм для эргативного падежа [15, с. 14]. Следовательно, не подвергшиеся влиянию эргативной конструкции, они дошли до нас, сохранив первоначальные значения.

Во-вторых, в дагестанских языках *me/mi* выступает в значении 2-го л. ед. ч. только в именительном и эргативном падежах, а в прочих падежах они имеют основу *de/di*. Например, в гинухском языке *me* «ты» в им. и эрг. п., *debe*, *debzo* «твой» в род. п., *debez* «тебе» в дат. п. и т. д. Ср. также фонетическое сходство выражения значения «тебе» в языках Северной Евразии: латин. *tibi*, ст.-слав. *tebe*, прус. *tebbe*, санскр. *tabhyam*, авест. *taibūd*, в дагестанских языках: гунзиб. *dibi*, хварш. *dubuli*, гинух. *debez* и др.

Если учесть вторичность формы им.п. личного местоимения 1-го л. ед. ч. в индоевропейских языках, возникновение которого, вероятно, связано «с более поздним разви-

тием абстрактной грамматической формы 1-го лица как абсолютного носителя (субъекта) действия» [16, с. 233], то дагестанское *mi/me* в значении «ты» в им. и эрг. п. тоже, по-видимому, вторичного происхождения, а основы других падежей, сравнимые с индоевропейскими, представляют древнейшее состояние личных местоимений.

На основе вышеизложенного можно сформулировать некоторые общие выводы.

1. Общность фонетического облика и семантики прономинальных лексем с наибольшей долей вероятности свидетельствует об идентичности возникновения, оформления и развития лично-местоименных основ в ностратических языках.

2. Одним из путей развития семантики в языке является переkreщивание значений языковых единиц, имеющих близость в сфере употребления.

3. Дагестанские языки относятся к ностратическим. Перекрестное развитие семантики личных местоимений, вероятно, связано с появлением эргативного строя в этих языках.

Литература

1. Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2.
2. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, уральский, дравидийский, алтайский, индоевропейский) // Славянское языкознание. – М., 1968.
3. Старостин Г.С. К вопросу о перспективах развития ностратического языкознания. Генофонд. РФ / Языки, гены, народы. 17.10.2015. <http://xn--c1acbbaaafalc.xn--plai/>.
4. Атакулова М.А. Инвариантное в прономинальной парадигме языка. – Бишкек, 2010.
5. Зулпукаров К.З. Слово как средоточие лингвоэтнокультурных концептов // Вестник Кыргызского национального университета. Спец. выпуск. – Бишкек, 2014.
6. Зулпукаров К.З., Зулпукарова М.А. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. – № 2.
7. Зулпукаров К.З. Четыре идеи Л.А. Шеймана в языковедческом освещении // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – 2014. – № 2 (301).
8. Абдувалиев И.А. Лексикология киргизского языка. – Бишкек, 2016.
9. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016.
10. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
11. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.
12. Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки. – М., 1958.
13. Воробьев-Десятовский В.С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. – М.–Л., 1956.
14. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967.
15. Чикобаева А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967.
16. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1965.

Поступила в редакцию 30 сентября 2016 г.

UDC 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313- 2016-31-4-43-49

Personal pronouns of the Dagestan languages in comparison with the Nostratic

K.Z. Zulpukarov¹, S.M. Amiraliyev¹, A.K. Zulpukarova²

¹ *Osh State University; Kyrgyzstan; 723500, Osh, Lenin st., 331; zulpukarov48@mail.ru, sem.87.90@mail.ru*

² *Batken State University, Kyrgyzstan; 715100, Batken, Zhusupov st., 21.*

The purpose of the article is to comment on some events in the development of semantics of Nostratic personal pronouns that do not fit into traditional notions of historical changes in word meanings.

Nostratika, a new area of comparative linguistics, took shape as a branch of the science of language in the 60th of the XX century and postulated distant genetic relatedness of a number of language families of Eurasia. The works H. Pedersen, A.B. Dolgopolsky, V.M. Illich-Svitych and other comparativists played a great role in its formation. These scientists have proved the presence of many common root and affixed morphemes in the Indo-European, Uralic, Altaic, Dravidian, Kartvelian and Afro-Asiatic languages. We consider the the Nostratic languages much broader, including the Nakh-Dagestani, Eskimo-Aleut, Chukchi-Kamchatka, Sino-Tibetan and other languages. However, it was unclear why the Kartvelian and the Nakh-Dagestani languages were opposed to each other, though they are similar in the distribution area. This was due to the lack of common roots in the personal pronouns of these languages. If the Nostratic languages root morpheme *mi-* indicates a speaking person, the morphemes *ti-*, *si-*, *ki-* and others indicate the second person; in Dagestani, on the contrary, the root *mi-* points to the interlocutor, and *ti-*, *si-*, *ki-* point to the speaker. This contradiction was the basis to find similar evidence in other languages and to make corresponding comparative analysis.

The concept of “semantic crossing linguistic units” introduced by us allowed to interpret and resolve the above-named linguistic task.

Keywords: *Nostratic languages, egocentrism, personal pronouns of Dagestan languages, semantic crossing of linguistic units, ergative constructions.*

Received 30 September, 2016